

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И КАРТОТЕЧНЫЕ СОБРАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СЕМАТИЗАЦИИ СЛАВЯНИЗМОВ

Ж.К. Кынова

Кафедра русского языка
КазНУ им. аль-Фараби

пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан, 050040

В статье представлено лексикографическое описание славянизмов. На примерах, эксцерпированных из этих исторических словарей и Картотеки древнерусского словаря, автор раскрывают историко-культурную информацию, заключенную в семантике славянизмов.

Ключевые слова: лексикографическое описание, славянизмы, семантика, исторические словари и картотеки.

Славянизмы (слова, заимствованные из старославянского и церковнославянского языков) — ментально значимые единицы языка, в которых сконцентрированы многовековой опыт, культурные и религиозно-православные ценности русского народа. В современном языковом сознании славянизмы соотносятся с архаизмами и несут следы иного мировоззрения и иной картины мира. Происшедшие в картине мира носителей языка преобразования и их языковая концептуализация происходило в свете духовной рефлексии — осознанием и усвоением духовных ценностей. Именно в семантике этих слов сохранились существенные с точки зрения новых языковых отношений, значения, что позволяет говорить об их ценностной маркированности в оппозиции «духовное»/«светское».

В памятниках письменности представлена история слов и их семантическая эволюция, поэтому исторические словари и картотечные собрания служат важным источником трансляции историко-культурной информации. Так, уникальный материал по истории слов и их значений, заключенной в их семантике, представляют собой картотеки выписок из памятников письменности исторических словарей, например Картотека древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, являющаяся базой Словаря русского языка XI—XVII (далее — КДРС). При этом для иллюстрации значений слов в словаре используется лишь 25% документирующего материала картотеки. Интересным представляется история слов, претерпевших в своем развитии различные семантико-стилистические трансформации. Так, многие славянизмы в прошлом имели нейтральные значения, и потому обозначали вполне обыденные, физически-конкретные понятия,

прилагаясь к любому субъекту в любой предметной ситуации. Некогда слово *перси*, которое в современном языке встречается лишь в «высоких» контекстах в качестве поэтизма, описывающем эстетически привлекательный объект, обозначало обычное «анатомическое» понятие: ... и снидеса бес числа людей, и влезоша в воду, и стояху инь до шии, а друзии по *перси*, младенци же по перси от берега, друзии же младенци держащее, свершени же бродяху, попове стояще молитвы творяху («Повесть временных лет» Радзивиловская или Кенигсберская летопись. — СПб., 1902 список к XV в). В древнерусском языке было и прилагательное персисый, т.е. широкогрудый: Менеалось: низокъ, пръсисъ, крепокъ, румянь [1. II. С. 325].

Исконно многие слова обладали более широкой предметной сферой, что объясняется принадлежностью исконного славянизма (церковнославянизма) культурному языковому слою, в то время как современное, секуляризованное сознание осмысляет эту «духовность» в терминах религиозности, отводя ей тем самым узкоспециальную предметную область. «В изменениях значений славянизмов отражаются многие идеи и образы, свойственные христианской философской литературе. Так, представление о ничтожности, смертности материального и величии, бессмертии духовного отразилось в истории слова прахъ, заимствованного из старославянского языка. Первоначально старославянское прахъ, как и русское порохъ, означало любое сыпучее вещество (пыль, пепел и т.п.). Однако для церковно-книжных памятников было типично употребление слова прахъ по отношению к останкам человека, например: «приникахомъ бо и къ гробу всегда... что убо тамо видехомъ бра(гъ)е... не попелъ [т.е. пепел] ли и прахъ» («Огласительные поучения Феодора Студита»). Иные употребления слова (в значениях «пыль», «порошок») постепенно уступают место этому наиболее типичному употреблению. Русское порохъ употреблялось в иных жанрах (его фиксации в церковно-книжных памятниках единичны), называя чаще всего пыль, а также порошок (обычно лекарственный). С XVII в. в деловой письменности это слово стало употребляться преимущественно для называния сыпучей взрывчатой смеси, передавая свои первичные значения другим словам (пыль, порошок)» [2. С. 172].

Обращение к истории слов помогает интерпретировать исконную культовую принадлежность. Интересна в этом смысле судьба слова *очищение*, которое в современном языке материализовалось, стало преимущественно использоваться по отношению к физически-конкретным предметным ситуациям, ср.: очищение организма, в то время как для древнерусского сознания было более актуальным духовное очищение, очищение и избавление от грехов: — Бъ· даль ксть намъ м· дн· ии сию на · чищеньє дш· и («Повесть временных лет» 6582 г.) [1. II. С. 847]. О сложной семантической структуре слова «очищение» свидетельствует словарная статья в «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского, в которой приводятся различные значения: «духовное очищение», «прощение», «чистота духовная», «обряд очищения после некоторых болезней», «месячное очищение у женщин», «освобождение от долгов и недоимок» [Там же].

Добродетель в языковом сознании средневекового человека не только его добрые и благие деяния, но и его вера и набожность, чистота души и помыслов. *Добродетель* в старославянском (церковнославянском) языке — это не абстракт-

ное понятие, а своеобразная философия жизни человека, смысл которой в его движении к Богу. Среди добродетелей нравственно-религиозного характера, т.е. добродетелей «собственно духовных», выделяются такие ее составляющие, как набожность, благочестие, кротость, покорность, смирение, надежда, доброта, милосердие, старательность, усердие, забота, справедливость, долготерпение, любовь к людям и др. Впоследствии произошла утрата церковной семы, и слово стало означать нравственно-этическое понятие, не связанное с религией.

Основное направление семантико-стилистической эволюции славянизмов заключалось в их «обмирщении» — утрате церковной коннотации, в результате чего появляются слова с полной или частичной амнезией — потерей памяти о своем «прошлом». В таких случаях слово реализует два значения: «духовное» религиозное и «светское», «мирское», при этом «духовное» воспринимается современным носителем языка как узкоспециальное — «церковное». Так, связь страсти со «страхом» и всем комплексом «страдания», «испытания», «подвига» и «очищения» обыденным языковым сознанием не ощущается. Понимание страстного как «страшного» можно проследить на следующем примере: ...Сыне Божий, ущедри мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа... Избави же мене от страстного оногo и жесточайшего гласа, еже речеши грешным, сущим ошуюю тебе: «Отидите от мене...» (предсмертный плач мученицы Иустины из «Житии боярыни Морозовой»).

Примером полного забвения словом своего «прошлого» может быть исконная семантика слова «неприянь», которое для носителя современного языка никак не соотносится с самим источником зла (непр· · знь в древнерусском и церковнославянском — это одно из названий дьявола), ср.: Игры неприяньны и всякая злоба (Кирилл Туровский «О премудрых»).

Редукция сакрального в названиях эмоций, зачастую ведущая к затемнению внутренней формы слова (ср. восхищение — «похищение», пленительный — «берущий в плен») явилась следствием общей интенции этой семантической реформы — обмирщения, секуляризации чувств: высокие проявления и эмоции в новых условиях получают двойную интерпретацию — «духовное»/«светское», что мыслилось уже не только в свете религиозного источника.

Многие слова обладали потенциалом двойного осмысления и истолковывались исходя из контекста, например, зрѣти — это и «видеть» и «иметь в мыслях»: зрѣти на Володимерь — думать о Владимире [3. С. 207]. Развитие переносных значений свойственно многим славянизмам. Например, у славянизма «зреть» в процессе эволюции языка развивается переносное значение, которое в современных словарях выступает как основное: 1. Становиться зрелым (в 1 и 2 знач.). *Яблоки зреют. В юноше зреет ученый. Наступать, приближаться. Зреет решение. Зреет обида. сов. созреть.* В то время как исконное его значение «видеть, смотреть» маркируется как устаревшее. *Он зрит печальную картину. сов. узреть* [4. С. 237]. Такой семантический процесс в истории слов, который служил одним из основных приемов формирования отвлеченных понятий, относящихся к различным сферам духовной, социальной и культурной жизни общества, Е.С. Копорская называет метафорическим переносом. «Характерной чертой процесса метафоризации в новое время является развитие у славянизмов образных, метафорических употреб-

лений, восходящих к старославянскому языку. У многих слов, имевших в старославянском языке как прямое, так и переносное значение, происходит постепенное «затухание» прямого значения, актуализация и дальнейшая эволюция метафорического значения. Расширяется и в ряде случаев полностью сменяются словосочетательные связи слова в переносном значении, приводящие часто к вычленению из старого переносного — нового» [5. С. 237].

В Картотеке древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН находим интересный пример употребления глагола «узреть» в значении «поспеть, поспеет, спелый». Ср.: *Да тутъ же радитца пшевица и ячмень, да иные симена сиють, и растеть что пырей и как узрееть изъ того заврятъ въ котль гораздо и радитца от того сахаръ* (Спафарий Китай. Статейный список посольства Н. Спафария в Китае (1675—1678). Однако выборка примеров по материалам Картотеки позволяет говорить о том, что преимущественно «узреть» используется в основном, исконном прямом значении «увидеть»: «*Мы же аще и един час главою поболим, или прыщъ на теле нашем узрим, то в борзе всем знаемым нашим возвецаем*» (Послание Ив. Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, XVI—XVII вв.); «*Мы мужи Полочяне даемъ въдати, кто на сію грамоту узритъ или услышитъ чтучи*» (ААЭІ, — СПб., 1836). В «Материалах для древнерусского словаря И.И. Срезневского» не выделяется такое значение глагола «узреть», как «поспеть», но приводятся другие его значения. Ср.: «узнуть, уразуметь»: Извързи кладоу прѣжде от очесе своѣго, тѣгда оузъриши извърѣшти с· чьць отъ очесе брата твоѣго; Боли Оцъ ъ, больство же его оузъримъ въ Сн· оу [1. 1175]. Кроме того, глагол «узреть» был синонимом слова «взирать», а значит, употреблялся и в значении «посмотреть, взглянуть»: Се · пань Бенко, староста Галицький и Сн· тиньский, свѣдчю то своимъ листомъ каждому доброму, кто на сесь листь оузритъ [1. II. С. 847]. В современных словарях «узреть» маркируется как устаревшее, а «узришь» в значении «увидеть, усмотреть» — как шутовое, ироническое [4. С. 237].

Переносные употребления были наиболее типичны и для глагола *презреть*. Исконным прямым значением этого глагола было «смотреть (посмотреть) мимо чего-либо, например: «идеть... презря и не видя лежащихъ... больных» («16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Иракийского», по списку XIV в.). Оно складывалось из значений составляющих это слово частей: глагола *зрети* — «смотреть» и приставки *пре-*, имевшей в данном глаголе значение «через, мимо». Однако применения глагола в этом значении были единичными. Абсолютно преобладали его употребления в значении «не обращать (обратить) внимания на что-либо». При этом глагол мог означать, во-первых, оставление без внимания порока, греха, прощение их, например, «милует же все(х)... *презри(т)* грехи чл· векъ каюущи(х)ся» (Житие Варлаама и Иоасафа» по списку XIV—XV вв.); во-вторых, невнимательное, недружелюбное отношение к кому- или чему-либо: «и житье се лестное (т.е. обманчивое, лживое) *презреша* и вечное възлюбиша» («Поучение о посте», Троицкий сборник, конец XIV в.). Современное значение восходит к употреблению второго типа; аналогично развивалось значение слова *ненавидеть* от *видеть*, как *презреть* от *зреть*.

Изменения в семантике славянизмов приводили к утрате некоторых их значений, т.е. в процессе динамики языка в силу различных причин, выходили из употребления одни значения и развивались другие, новые. Так, исходным значением славянизма *челнок* (*челнь*) всегда было и остается его русский синоним *лодка*, но в прошлом это слово имело и другое значение, которое было обнаружено нами в Картотеке древнерусского словаря в результате выборки: *челнокъ* — *длинный, узкий, начиненный крупною пирою* (А. Подвысоцкий. «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении». — СПб., 1885). Судя по источнику, можно предположить, что *челнокъ* в значении *пирог* было известно только в определенной местности, а значит, оно было диалектным, тем более что такое значение этого слова не зафиксировано в исторических словарях. Между тем в Словаре русского языка С.И. Ожегова приводится новое, приобретенное со временем, значение, которое, на наш взгляд, называет предмет, похожий по форме на лодку. Ср.: **челнок**, — 1. То же, что челн (выдолбленная из дерева лодка). 2. В ткацком станке, швейной машине: овальная, продолговатая или иной формы колодка с накрученной или укрепленной внутри нитью [4. С. 237]. В процессе номинации предмета развилось его мотивированное значение, поэтому здесь речь идет о метафоризированном термине. Когда-то слово *челнок* обозначало предмет, который по форме тоже был похож на ладью (лодку). Ср.: **челнь** — кубокъ, братина въ виде челна: — Да семьнатцать кубковъ..., да вольт, да чолнь, да курь, а весу въ кубкехъ и въ воле и въ куре и въ чолну восьмьдесятъ гривенокъ и шесть гривенокъ [1. III. С. 847]. С исчезновением предмета из языка ушло и его название, тем более что для современного языкового сознания архаичным является исконное значение, которое нуждается в социокультурной интерпретации.

На основе переноса значения, столь характерного для номинации какого-либо предмета, объекта, явления в современном языке, появилось новое значение славянизма «челнок»: *челнок* (*челноки*) — торговцы, закупающие товары широкого потребления мелким оптом и реализующие их в розницу с наценкой. Думается, что подобное значение появилось в языке в результате метафоризации, переноса по сходству — совершение частых движений туда и обратно между двумя пунктами, подобно челну на переправе. Современное языковое сознание не ассоциирует это новообразование с челном-лодкой (для современно языкового социума необходимо семантизация этого архаизма), но связь с исконным значением можно установить с помощью толкования прилагательного *челночный*. Ср.: **челночный** — 1. см. челнок. 2. *перен.* Связанный с регулярным движением между двумя пунктами на короткой дистанции. *Челночный маршрут. Челночные перевозки.* В обиходе современного языка встречаются сочетания *челночный бизнес, челночный бег, челночный стежок*. Разваленная экономика породила феномен челночного бизнеса — социального явления, характерного для постсоветского периода и перехода страны в рыночную экономику. Из этого следует, что появление и актуализация того или иного значения слов связано прежде всего с экстралингвистическими факторами.

Изменения значений слов весьма разнообразны и индивидуальны, но в языкознании достаточно четко обозначены основные тенденции и закономерности, свойственные славянизмам. «Одна из важных закономерностей изменений в языке состоит в том, что наиболее частое, типичное использование постепенно становится

единственно возможным. Таким путем изменяют свои значения очень многие славянизмы. Количественные изменения в их употреблении способствуют серьезным качественным изменениям. При этом на основе конкретных значений слов очень часто развиваются абстрактные» [2. С. 164]. В результате распада двуязычия, «в условиях современной языковой ситуации за славянизмами закрепляются особые функции — выражение абстрактного, возвышенного и поэтического содержания» [6. С. 118].

Сейчас, как и много веков назад, славянизмы служат для выражения возвышенного, торжественного значения, что делает их употребительными в «высоких» контекстах и способствует их активному функционированию в культурно значимых для носителей языка текстах — философских, поэтических, религиозных. Ценностная отмеченность этих слов — следствие отстоящей во времени духовной рефлексии носителей языка. В таких случаях раскрываются не стилистические возможности слова, а актуализируется культурно-историческая мотивация семантики языковых единиц в синхронии. Языковое сознание современного социума нуждается в осмыслении кирилло-мефодиевской традиции, благодаря которой современная культура продлевает свою жизнь в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. I—III. — СПб., 1893—1913.
- [2] *Улуканов И.С.* О языке Древней Руси. — М.: Азбуковник, 2002.
- [3] *Дьяченко Гр.* Полный церковно-славянский словарь (репринт 1890 г.) — М., 1993.
- [4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1991.
- [5] *Копорская Е.С.* Семантическая история славянизмов в РЛЯ нового времени. — М.: Наука, 1988.
- [6] *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). — М.: Гнозис, 1994.

HISTORICAL DICTIONARIES AND CARD ASSEMBLY AS THE SOURCES OF SEMANTICISMS OF SLAVONICISMS

Zh.K. Kiyнова

Kazakhstan National University — al-Farabi
*Prospect al-Farabi, 71, City of Almata,
Republic of Kazakhstan, 050040*

In this article, we present the lexicographical description of Slavonicisms. In the examples are excerpts from these historical dictionaries and cards of the ancient/old Russian dictionary, author that reveal historical-cultural information which are enclosed in the semantics of Slavonicisms.

Key words: lexicographical description, Slavonicisms, semantics, historical dictionaries and cards.